

ЩЕГЛОВ, Иван Леонтьевич (настоящая фамилия -- *Леонтьев*) [6(18).I.1856, Петербург -- 4 (17).IV.1911, Кисловодск] -- прозаик, драматург. Родился в дворянской семье. С трех лет "по бедности родителей" воспитывался в семье деда, барона В. К. Клодта фон Юргенсбурга (генерал от артиллерии, брат скульптора П. К. Клодта). В 1866--1874 гг. учился во 2-й Петербургской военной гимназии и в 1-м Павловском военном училище. В 1874 г. произведен в офицеры, служил в артиллерийских частях в Крыму и Бессарабии, принимал участие в русско-турецкой войне (в Закавказье); в 1878--1883 гг. служил в Петербурге, в Главном артиллерийском управлении. В 1883 г. вышел в отставку и занялся исключительно литературным трудом.

В отрочестве писал стихи. В печати дебютировал заметкой о землетрясении в Севастополе (Санкт-Петербургские Ведомости.-- 1875. -- 20 июля, подпись "И. Неволин"). Первая крупная публикация -- одноактная комедия "Граждане" (Театральная библиотека.-- 1879.-- No 2) о гласных городской Думы, разыскивающих автора анонимной критической заметки в столичной газете, написана "под непосредственным влиянием "Ревизора" (Автобиография.-- С. 97). Сам Щ. считал началом своего литературного пути одноактную шутку "Влюбленный майор", "наброшенную в походной палатке осенью 1877 года" (Наивные вопросы.-- С. 183). Чуткость к актуальной проблематике, глубокое знание армейского быта определили успех военных очерков Щ., опубликованных в 1881 г. в "толстых" журналах, в том числе в "Отечественных записках": герои рассказов, молодые офицеры, осознавали бесчеловечную сущность войны ("Первое сражение"), тяготились бессмысленным существованием, старались облегчить участь "нижних чинов", организуя школу для солдат ("Поручик Пospelов") или солдатские спектакли ("Неудачный герой"). Первые же публикации вызвали поощрительные отзывы критики; через несколько лет рецензенты сборника военных рассказов Щ. отмечали правдивость, искренность, "задушевную улыбку" автора, указывали на продолжение традиций Л. Н. Толстого и В. М. Гаршина, на внимание к "простым людям, просто и бесхитростно наслаждающимся сколько-нибудь светлым моментом своей серенькой, однообразной жизни" (Арсеньев К. К. Беллетристы последнего времени // Вестник Европы.-- 1887.-- No 12), подчеркивали типичность характеров просветительски настроенной офицерской интеллигенции.

Точное, остроумное, изящное воспроизведение быта и нравов -- самое ценное качество прозы Щ. Ради этого читатели прощали мелодраматизм, недостаточную мотивированность конфликтов, иллюстративность и морализирование, свойственные, напр., роману "Гордиев узел" (1887): офицер влюбился в горничную, решил жениться, но, отвергнутый родней невесты (лакей, швейцар, кухарка) и усомнившийся в ее любви, покончил с собой. А. П. Чехов, считая роман Щ. "трудом капитальным", обратил внимание именно на мастерское изображение среды (Чехов А. П. Письма.-- Т. II.-- С. 204). Роман интересен и как вариант центральной для 80 гг. проблемы "интеллигенция и народ": было представлено необычное "опрошение" интеллигента, в понятии "народ" выявлен особый социальный слой -- прислуга; возникшая было идиллия разрушалась "снизу", неверием "народа" в добрые намерения "интеллигенции".

В конце 80 -- нач. 90 гг. Щ. часто обращается к теме гибели чуткой души или таланта под натиском грубой реальности. Застрелился, не захотев возвращаться в безысходно-серую повседневность, герой рассказа "Миньона" (1887) -- офицер захолустного гарнизона, потрясенный концертом известной певицы. В повести "Корделия" (1889) изложена история постепенного превращения молодой талантливой актрисы в заурядную певичку кафешантана; умирает герой рассказа "Кожаный актер" (1889) -- небесталанный бедняк, смирившийся и с нищетой, и с презрительным равнодушием "сытых" -- антрепренеров, коллег, зрителей (рассказ перекликается с новеллой А. П. Чехова "Барон"). Самоубийством завершается и попытка "известного фельетониста" осмыслить собственную жизнь (повесть "Убыль души", 1892). Энергичный просветитель -- герой ранних рассказов Щ.-- сменяется расслабленным тоскующим одиночкой, в меру образованным обывателем, мечтающим о простых житейских радостях, которые в силу обстоятельств оказываются недостижимыми; при этом "счастье" понимается как полное благополучие, как идиллия. Называя Щ. "мещанским писателем", Чехов в 1888 г. уточняет: "Вы, как и Помяловский, тяготеете к идеализации серенькой мещанской среды и ее счастья" (Чехов А. П. Письма.-- Т. II.-- С. 204); через много лет Щ. определит своего главного героя как "человека, так сказать, средней сытости, того благообразного среднего интеллигента, который желает жить тихо и скромно, пользуясь не только газовым и электрическим освещением, но и еще кое-чем, что необходимо для его мирного и безобидного существования, т. е. дышать, обедать, читать, гулять, изредка пользоваться обществом таких же, как он, мирных и просвещенных граждан" (Наивные вопросы.-- С. 47). В конце века такой психологический тип воспринимался как знак болезненного состояния души, ее "омертвления", как симптом духовной вторичности, "свечения отраженным светом" (Н. Ладожский).

С конца 80 гг. Щ., как и его герои, пытается преодолеть духовный кризис, найти идейную опору, но при этом остаться независимым, "внепартийным" писателем. В начале 90 гг. он предпринял несколько поездок по "святым местам", посетил "духовных пастырей" ("Оптинский старец о. Амвросий"-- М., 1892; "У отца Иоанна Кронштадтского. Рассказ очевидца"-- М., 1894), однако суровое самоотречение оказалось